

ИНКВИЗИТОР

Петрозаводск, март

Ночью к Макару пришел Дьявол. Как всегда, в привычное время, где-то за два часа до рассвета. Дьявол миновал зал, мягко ступая дорогими мокасинами по трехсотлетнему паркету. Бесшумный, бесстрастный, бессмертный. Верховный бес. Ни трезубца, ни хвоста, ни копыт. Вместо всей этой средневековой мишуры — деловой костюм, серый, в едва заметную полоску, легкая белая сорочка да галстук-селедка, захлестывающий высокий ворот. На запястье левой руки, напоминающей вареную крабью клешню, тускло поблескивали стильные часы «Бреге», один в один «патриаршая модель». Правая держала тонкий кейс из черной кожи и хрома. Выйдя из стены, Дьявол направился к огромной двуспальной кровати, где, по-детски натянув одеяло до самых глаз, застыл дрожащий от страха Макар.

Обычно Дьявол одевался подчеркнуто неброско. Никакой роскоши, только удобство. Но не сегодня. Часы а-ля патриарх еще можно было объяснить

изоощренным актом богохульства, но остальное... Это угнетало Макара. Он предчувствовал новое наказание и никак не мог угадать, чем оно обернется: испытанием, после которого становишься сильнее, или банальной пыткой. Прочесть что-либо на размытом лице ночного гостя не представлялось возможным. Лишь огненно-рыжая радужка дьявольских глаз, неизменно статичная посреди хаоса меняющихся черт, выражала хоть какие-то эмоции. В основном презрение и усталость. В последнее время презрение доминировало.

Дьявол деликатно откинул край шелковой простыни и присел на кровать. Игнорируя Макара, поспешно подтянувшего ноги к груди, он устроил кейс на коленях. Заскорузлые черные когти с удивительной ловкостью выставили кольца кодового замка в нужную комбинацию. Три шестерки. Конечно же, три шестерки. Крышка открылась, и Макар, на время позабыв о страхе, с любопытством подался вперед.

Утопая в красном бархате, внутри покоилась обыкновенная пластиковая бутылка, из-под кваса или, быть может, пива. Неудачно сорванная этикетка оставила на боках ошметки клея с островками намертво прилипшей бумаги. Подцепив когтем исцарапанную синюю крышку, Дьявол легко сорвал ее, поднял бутылку над головой, опрокидывая содержимое на себя. Стремительно пустеющая тара заклокотала пластиковым горлом. Точно пятно от пробитого нефтяного танкера, в воздухе растекся резкий запах бензина.

Бутылка с громким хрустом смялась и отлетела в темноту. Опустевший кейс грохнулся на пол. Дьявол по-собачьи мотнул головой, разбрасывая в стороны

жирные маслянистые брызги. Обожженная клешня по-хозяйски зарылась в стоящий у изножья кровати мешок, который Макар на днях притащил из ювелирного магазина. Через край посыпались мелкие украшения. По паркету запрыгали броши, перстни, кулоны и увесистые печатки. Часть их проворно спряталась под кровать. Завороженный странным поведением ночного гостя, Макар внезапно понял, что тот ищет. Понял и похолодел.

Расплывчатый лик Дьявола повернулся к Макару. Самую малость. Ровно настолько, чтобы перепуганный человечек увидел, как смеются неподвижные огненные глаза. Закончив поиски, Дьявол вытянул руку перед собой. Золотые цепочки скатывались с нее дохлыми желтыми червями. В когтистых пальцах сверкнула массивная платиновая зажималка, инкрустированная драгоценными камнями. Загнутый коготь большого пальца со звоном откинул тяжелую крышку, чиркнул зубчатым колесом по кремню и загорелся. Пламя взметнулось по рукаву, вспрыгнуло на грудь, а уже оттуда весело разбежалось во все стороны.

Дьявол вспыхнул. Как тот буддийский монах из Сайгона. Как Москва, в сентябре 1812-го. Или, скорее... как неопалимый терновый куст, из которого Бог разговаривал с Моисеем.

Сложив руки на коленях, Дьявол пылал, и вместе с ним пылало его вытянутое отражение в широко распахнутых глазах Макара. Дорогая ткань прогорела за считанные секунды, слой за слоем, будто кто-то чистил гигантскую луковицу, поспешно добираясь до красноватой сердцевины. Расплавилась золотые запонки, крохотными слезинками упали на пуховый

матрас, проточив две черные дырки. Продержавшись на несколько мгновений дольше, потек массивный браслет часов. Огонь, пляшущий по маслянисто блестящему телу Дьявола, не перекидывался на кровать, но при этом вовсе не думал угасать. Потрясенный Макар, как во сне, протянул к нему руку и тут же отдернул, опаленный чудовищным жаром. Объятый пламенем Дьявол стал его откровением. Все есть пепел, говорил ему Дьявол. Все есть прах и обугленные головешки.

Содрогаясь от омерзения к самому себе, Макар огляделся. Вещи, которые не так давно он просто не мог себе позволить... все эти золотые побрякушки, драгоценные стекляшки, шедевры искусства, дорогие дизайнерские штучки, спортивные автомобили... Символы статуса и положения. Вещи. Тряпки. Шмотье. Бесплезный пережиток прошлого, не годный даже на растопку!

Желание спалить все это,— все, что он кропотливо, с упорством хомяка собирал по городу последние две недели,— стало необоримым. Зародившись где-то в груди, оно, будто и само имея огненную природу, начало прожигать Макара изнутри. И, точно услышав его мысли, неугасимое пламя рвануло в разные стороны. Пожар бушевал, жадно перемалывая оранжевыми зубами старинные гобелены, картины, паркет, громадный плазменный телевизор, мешок с ювелирными украшениями, ворох костюмов «от кутюр», валяющихся прямо на полу, кровать с балдахинном. В эпицентре пожара сидел невозмутимый Дьявол, одобрительно покачивая лобастой головой, увенчанной витыми бараньими рогами.

Промозглый мартовский ветер, все еще отдающий февральской стужей, привел Макара в чувство. Трясаясь от холода, он стоял посреди пустынной площади Ленина, одетый в одну лишь простыню, завязанную через плечо на манер тоги. Над Макаром, устремив взгляд за горизонт, нависала гигантская фигура вечно живого вождя пролетариата. На лице гранитного Ленина скакали непоседливые блики, отчего казалось, что памятник то лукаво щурится, то недовольно кривит губы.

Пахло костром. От копоты першило в горле, легкие терзал сиплый кашель с привкусом гари. За спиной Макара ревели и трещало рыжее чудовище — это его зарево оживляло застывшую мимику каменного истукана. Звонко лопались стекла, скрежетал деформирующийся металл. Только сейчас Макар обнаружил, что сжимает в руке пустую пластиковую бутылку. Он принюхался. Из горлышка несло бензином.

Поспешно отбросив ее в сторону, Макар затравленно огляделся. Все три дороги, ведущие на площадь Ленина, оказались пустыми. Пустыми были и прилипшие к ним тротуары. Не горел ни один фонарь. Не теплилось ни единое окошко. Будто по всему району внезапно отключили электричество. Единственный источник света — живой открытый огонь. Макар наконец вспомнил и нервно рассмеялся. Повернувшись спиной к хмурому вождю, он с интересом уставился на объятый пламенем Национальный краеведческий музей, служивший ему домом весь последний месяц.

Несколько минут, не обращая внимания на сильнейший озноб, Макар следил, как огонь уничтожает одно из старейших зданий города. Пепел к пеплу. Прах к праху. Только когда ноги совершенно окоченели, Макар зябко обнял себя трясущимися руками. Что-то острое кольнуло ему грудь, заставив вздрогнуть. В правой руке оказался скальпель.

Последний раз Макар пользовался инструментом лет пятнадцать назад, еще на втором курсе, перед самым отчислением. И да, это был тот самый скальпель, который он утащил домой с практики, чтобы тренироваться на куриных тушках. Монограмма МСП, криво выцарапанная на тонкой рукояти, не оставляла сомнений. Макар Скворцов, второй курс. Незадавшийся хирург. Временно безработный. Перманентно неудачливый.

Отблески костра плясали на хирургической стали, наполняя Макара темным удушающим ужасом. В дрожащей руке он держал свое прошлое. Скальпель не мог быть здесь, никак не мог и все же был, холодный, острый, ни капли не изменившийся. Он исчез в камерке для улик, пропал, сгинул в рутине судебного производства! Он не мог быть здесь!

Точно ядовитую гадину, Скворцов бросил скальпель на асфальт. Тот зазвенел, но не обиженно, а насмешливо. «Я вернулся! — слышалось в его стальном голосе.— И я никуда не денусь». Тягучий страх наконец затопил разум, и Макар, не разбирая дороги, бросился в темноту, прочь от горящего музея.

Ревущее пламя издевательски хохотало ему вслед.

Часть I. Закат

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ

Светозарево 7 июнь

Травы было — валом. Сочные хрусткие заросли, высотой почти до пояса, густые, как волчья шерсть. Везде, где только можно, а в особенности там, где раньше было нельзя. В таких местах трава разрасталась особенно яростно и буйно, со страстью освободителя отвоевывая некогда отобранные человеком уголья. А этой дуре приспичило объедать солнечные головы одуванчиков, усеявших задний двор ярким колышущимся ковром. Широкие рога мешали, цепляясь за выбеленные непогодой жердины забора, но корова упрямо тянула вперед толстую шею. Полчища одуванчиков исчезали, смолотые крепкими зубами. Недовольные шмели, обиженно гудя, отлетали прочь, на безопасное расстояние.

Вера уже не кричала, а хохотала как полоумная, прижимая ладони к животу. В такт смеху подпрыгивали толстые пшеничные косы, украшенные все теми же ядовито-желтыми одуванчиками. Прибжавший на ее истошный вопль Илья с облегчением выдохнул и опустил на землю тяжеленный колун.

Что было в руках, с тем и прибежал спасать жену от неведомой напасти.

Вера, отхохотавшись, повернулась к мужу. Не выдержала, сморщила вздернутый конопатый нос и прыснула вновь. Театрально схватившись за сердце, Илья пошел к жене, взбивая ногами одуванчиковое море. Золотая пыльца оседала на коже, проникала в нос терпким ароматом лета. Хорошее лето выдалось. Настоящее.

— Люшка, у тебя такая, ха-ха... — не унималась Вера. — Ты бы видел... Ха-ха! ...ты бы видел свою... Ха! Аха-ха! Рожу!

Илья поглядел на себя со стороны: взмыленный, покрасневшийся — бежал с другого конца двора, — отросшие волосы растрепаны, глаза навывкате, все еще выискивают опасность, — и тоже рассмеялся. Облегченно и немного нервно.

— А ты! Ты-ы-ы! — Вера обернулась к корове, погрозила острым кулачком. — У-у-у, дура, блин! А-ха-ха!

Меланхолично пережевывая солнечные цветы, корова глядела на Веру влажными добрыми глазами. «Надо же, — с удивлением отметил Илья. — Выжила». В конце марта, когда наконец стало ясно, что случившееся необратимо, Илья пришел на ферму и открыл загоны, выпуская измученных, перепуганных животных. Оголодавшее, страдающее без дойки стадо ломанулось на волю. В жалобном мычании слышались почти человеческие недоумение и обида. Илья хотел бы им помочь, да только ухаживать за без малого сотней голов — никаких рук не хватит.

— Дальше сами, — чувствуя странную неловкость, бормотал он. — Вон какие здоровые, справитесь как-нибудь...

Не к месту вспомнилась присказка соседа деда Антона: «Пусть корова думает, у ей голова большая!» Вот и пусть думают, как выживать без помощи человека. Прямо наглядное учебное пособие для экологов, освобождающих куриц и кроликов из-под гнета фермерских хозяйств. Вернее, освобождавших. Илья никак не мог привыкнуть думать и говорить в прошедшем времени.

После он ходил по дворам, выпуская скотину и птицу, снимая ошейники с собак, открывая двери застрявшим в домах кошкам. Курей и уток забрал к себе, сколько смог. Ухода особого не требуют, в еде неприхотливы, а в одну сарайку пара сотен влезет. Еще увел четырех козочек, что держала подслеповатая Авдотья Степановна, бывшая поселковая староста. Птица, яйца, молоко — жить можно...

— А ну, ты! — крикнул Илья корове. — Кыш! Пшла отсюда!

Та невозмутимо ощипывала цветы, нагулянные бока раздувались кузнечными мехами. В прядящем ухе покачивалась, похожая на модную серьгу, фермерская бирка с номером.

— Оставь ее! — всхлипывая от смеха, попросила Вера. — Пусть жрет... коррррр-ова!

Держась за бок, Вера пошла Илье навстречу. Охая, повисла у него на шее. Илья подхватил жену на руки, прижал, как ребенка. Вес у Веры всегда был птичий, для здорового мужика так и вовсе ничтожный.

— Ой-ё-ёй! — простонала Вера, запрокинув голову. — Как напугала-то, дубина рогатая! Представляешь, лежу, никого не трогаю, книжку читаю.

Слышу, стучит что-то по забору! Повернулась, а там эта морда! Уф-фуууу! Я чуть ежа не родила!

Илья донес жену до расстеленного среди одувачиков покрывала, опустился на колени. Вера скатилась с рук, перевернулась на спину, посылая глубокому чистому небу блаженную улыбку. Желтоватое солнце тяжело взбиралось в гору. Судя по укоротившимся теням, до верхней точки ему оставалось ползти еще часа полтора. Почти не было ветра, и легкокрылые насекомые рассекали густеющий воздух. Заросшие без присмотра поля, тянущиеся от заднего двора до самого горизонта, лениво колыхались под редкими порывами. Без людей, без грохочущих тракторов и комбайнов этот уголок оказался сказочно-прекрасным. Даже старый погост, раскинувший крестообразные кости на пригорке, возле далекого ельника, казался светлым и радостным, словно парк развлечений.

Светло-синие, в тон небу, глаза смотрели куда-то мимо Ильи. Опираясь на локоть, Вера потянулась к мужу, легко расстегнула единственную пуговицу на обрезанных джинсах. В приподнявшихся скулах проступили очертания игривой улыбки. Я ни при чем, говорила она, пуговицы расстегиваются сами собой, так бывает. Когда Илья попытался стянуть с нее майку, Вера отстранилась и сама сняла ее через голову.

Она притянула Илью, горячая и неистовая, как само лето. Полная жизни и пахнущая цветами. Илья опустился на нее, бережно, точно боясь раздавить. На его поясе тут же защелкнулся капкан стройных женских ног. Вера слабо охнула, когда Илья вошел в

нее, и они потонули среди бескрайнего океана одуванчиков, на заднем дворе, на виду у всего мира.

Ночь шаталась вокруг дома, терлась о стены, еле слышно шурша мышинными лапами. Многоглазая ночь, среброглазая ночь, она с надеждой заглядывала в запылившиеся окна, выжидая, когда потухнет последняя свеча. В спальне свечи были повсюду — на трюмо, на зеркале, в изголовье кровати. Даже на подоконниках, в опасной близости от занавесок. Мелкие кружочки, залитые в тонкую жечь, длинные церковные палки, толстенные рождественские бомбы, ароматизированные и обычные, — свечей было разных без счету.

Старый продавленный диван скрипел при малейшем движении, но менять его Вера отказывалась наотрез. Они даже немного повздорили, когда Илья приволок шикарную кровать с дорогущим матрасом — разобрал и вынес из домика москвичей, приезжавших в деревню на лето.

— Это... это... Блин, Котов, ты чем думал вообще?! Это же как сапоги с покойника снять!

Добрая Вера всегда называла его ласково: Илюшей или Люшкой. Сердитая Верка — только по фамилии. Сам Илья не видел ничего зазорного в том, чтобы взять из пустого дома никому не нужную кровать. Да и, в конце концов, не умер же на ней никто. Но жена уперлась всерьез. На предложение вернуть обратно еду, дрова, генератор, все, что они так или иначе брали уже несколько месяцев, Вера ответила:

— Не путай теплое с мягким, Котов! Это другое... Без этого не прожить. А без кровати... Проживем как-нибудь без кровати.

И жили без кровати. Был, конечно, вариант, который устраивал обоих: взять новую, прямо в магазине, но ехать ради этого в Слободской не хотелось. Не готовы оказались Котовы к такому путешествию. Немного позже, говорили они друг другу. Не сейчас. Надо выждать время.

Они находили тысячу причин, чтобы не ехать сегодня, и две тысячи, чтобы не ехать завтра. Когда прошел первый шок, когда пришло понимание, что жизнь — их жизнь — не остановилась, они научились шутить и смеяться над происшедшим. Но ни Илья, ни Вера никогда всерьез не думали сесть в старенькую фермерскую газель и покинуть деревню. Единственной причиной, якорем, удерживающим их на месте, был страх. Они боялись, что мир может оказаться именно таким, каким они его представляли.

Диван скрипел, когда они занимались любовью, когда ворочались во сне и даже когда просто лежали, обнявшись, обсуждая, как наконец-таки вернуться в Киров из этого затянувшегося отпуска. Потому что надо, пора, да-да, давно пора. Все-таки там — квартира, родные стены, и, как знать, вдруг остался кто-то еще, кроме них двоих? Но всякий раз они придумывали новое оправдание, чтобы отложить поездку еще ненадолго.

— Вообще-то бессмысленная затея,— зевая, сказал Илья.— Тебе здесь плохо, что ли?

Рука его поглаживала Верину грудь. Вспоминая день, наполненный запахом травы и женского тела, он блаженно улыбался.

— Вселенная подарила нам личный рай...

— Бог,— поправила его Вера.

Вера никогда не была религиозной. Ну да, крестик носила, ходила в церковь на Рождество и отвечала: «Воистину воскрес!» на Пасху — обычная ролевая игра городского жителя. Но с недавних пор начала относиться к этому крайне серьезно. Конец Света меняет мировоззрение, как ни крути.

— Хорошо, Бог,— не стал спорить Илья.— Твой Бог подарил нам персональный рай. Живи, радуйся, населяй Землю новыми людьми... А ты вместо этого хочешь кататься по мертвым городам, выискивая непонятно чего!

— Людей, Люшка. Людей. Таких же, как мы. Не может быть такого, чтобы Бог оставил только нас...

— О, опять великий всемогущий Бог! — проворчал Илья.— Сколько можно-то? Твой воображаемый друг начинает меня тревожить!

— Бог есть. Он за нами следит. Приглядывается, чтобы все у нас было хорошо,— упрямо сказала Вера.— Должны быть еще такие же, как мы. Обязательно.

— Это еще почему?

— А потому что иначе ни о каком «заселении Земли» речи быть не может.— Вера передернула плечами.— Это мерзко!

Илья сдавленно захрюкал, и Вера пихнула его локтем в бок:

— Знаешь, Люшка, ты сейчас говоришь, как крестьянин средневековый. У них тоже мир сразу за околицей заканчивался. Ну, максимум за околицей соседней деревни. Откуда ты знаешь, что никого нет?